

Управление рисками в переводе: Ответ критикам

Энтони Пим

Позиционный документ, февраль 2025

DOI: 10.17613/060cy-amp18

Аннотация: Управление рисками рассматривается как подход, который помогает объяснить, почему переводчики принимают те или иные решения в различных ситуациях. Анализ обширной работы, проделанной для применения различных концепций к переводу, показывает, что одной из ключевых особенностей этого подхода является способность обходить строгие аспекты эквивалентности и однозначные цели. Управление рисками, тем не менее, подвергалось критике по нескольким причинам: за попытку объяснить все аспекты сложного процесса, за принятие рационального переводчика, за отход от точности как основной задачи переводчика, за игнорирование эмоциональных аспектов языка, а также за связь с негативными сторонами экономического подхода. Эти критические замечания теряют свою силу, если рассматривать управление рисками как часть более широкого подхода к переводу и не воспринимать его концепции как попытку объяснить все действия переводчиков.

Управление рисками — это подход, который объясняет, как переводчики (включая устных переводчиков) принимают решения в условиях неопределённости. Это можно обобщить в виде ряда простых утверждений: риск — это предполагаемая вероятность того, что коммуникативная цель не будет достигнута; в процессе перевода эта вероятность особенно высока. Чтобы управлять неопределённостью, переводчики могут использовать разные подходы: снижать риск (прибегая к упрощению, генерализации или опущению), перекладывать его (ссылаясь на авторитетные источники), принимать риск на себя (экспериментируя или каким-то образом привлекая внимание), либо сочетать эти стратегии, находя компромисс. Однако успешное применение любого из этих приёмов требует доверия со стороны участников коммуникации, а потому самой серьёзной угрозой для переводчика становится утрата своей профессиональной репутации. В своей работе, посвящённой управлению рисками, я намереваюсь ввести ещё два соображения, которые могут стать предметом многих дискуссий. Во-первых, для меня главной коммуникативной целью является достижение взаимовыгодных отношений между всеми участниками. Во-вторых, поскольку тексты различаются по степени важности с точки зрения риска, переводчикам следует прикладывать больше усилий там, где ставки выше. Вместе все эти утверждения делают управление рисками гибким и некатегоричным подходом, который, на мой взгляд, способен заменить принцип эквивалентности как общего принципа перевода. Этот подход гармонично сочетается с современными исследованиями в области этики и идентичности посредников (кто и чем управляет), с эмоциональными аспектами языка (риск осязателен и вызывает эмоциональный отклик), а также с теорией сложности, служащей основой для понимания обобщённого принципа неопределённости.

Управление рисками стало одной из ключевых тем в дискуссиях о нейронном машинном переводе (НМП) и генеративном искусственном интеллекте (ИИ), выходя за рамки формальной теории эквивалентности. Отчасти это связано с тем, что государственная политика стремится выявлять и управлять многочисленными рисками, связанными с автоматизацией перевода (Закон ЕС об искусственном интеллекте 2024 года — яркий тому пример). Это также связано с тем, что новые технологии стимулируют переводчиков более активно участвовать в принятии решений в межкультурной коммуникации и выходить за рамки процессов замены предложений, которые теперь почти полностью автоматизированы. Иными словами, сами технологии создают новые риски, а у переводчиков появляются новые задачи по управлению этими рисками в ответ на вызовы, которые они несут. Поэтому, как мне кажется, нынешний интерес к управлению рисками вполне объясним.

Возможно, именно из-за этих обстоятельств вышеупомянутые утверждения подверглись критике, в частности со стороны Даниэля Жиля (2021 г.), Сандры Халверсон и Хэйди Котце (2022 г.), а также, хотя и более опосредованно, Дугласа Робинсона (2023 г.). Моя цель состоит в том, чтобы ответить на эту критику, признать обоснованные замечания и прояснить

некоторые возможные сомнения или недопонимания.

Предыдущие исследования в области управления рисками

Формальный подход к письменному и устному переводу с точки зрения управления рисками стал рассматриваться в научной среде как минимум с работы В. Вилсса (2005 г.). Примерно в то же время я добавил свой подход к таким понятиям как сложность, сотрудничество, доверие и межкультурные взаимодействия, включив их в основу ключевых положений о переводе и межкультурной коммуникации (Pym, 2004). С тех пор я исследовал этот концепт в ряде статей, которые привели к двум обобщающим работам (Pym, 2015, 2021) и небольшой книге (Pym, 2025). Одновременно с этим К. Арделеан (2015 г.) в своём исследовании представила приложение к процессам перевода. Во втором издании (2023 г.) работа была дополнена анализом рисков, связанных с автоматизированным переводом. Общий подход также был исследован эмпирически, часто в сочетании с совместимыми концептуальными рамками, в различных аспектах письменного и устного перевода. Среди них управление неопределённостью переводчиков (Künzli, 2004; Angelone, 2010), опущения в устном переводе (Pym, 2008; Zhong; 2020), обучение переводчиков (Hui, 2012), переводы в условиях высокой политической значимости (Ayuyad & Pym, 2012; Pym & В. Hu, 2019), перевод новостей (Matsushita, 2016), перевод нецензурной лексики (Hjort, 2017), постредактирование (Nitzke et al., 2019), ущерб при переводе в критически важных ситуациях (Canfora & Ottmann, 2018, 2019), нормы перевода (Б. Ху, 2020; Хао, 2024), эксплицитность и имплицитность (Pym, 2005; Shih & Cai, 2008; Kruger & De Sutter, 2018; Jiménez-Crespo & Sánchez, 2021), языковая интерференция в устных переводах (Ху, 2021), перевод с листа (He & Wang, 2021), документационные практики переводчиков (Цуй и Чжэн, 2022), негодования переводчиков (Наранджо, 2022), дипломатический перевод (Zhou, 2022; 志凯高, 成詹, & 旭李, 2024), восприятие перевода (В. Hu, 2022; К. Hu, 2024; Pym & Hu, 2024; Qiu & Pym, 2024), перевод (и выбор языков) в условиях экстренной медицинской помощи (Pym, 2023), судебный перевод (Pym, Raigal-Aran, & Bestué Salinas, 2023), перевод в медиа (Li & Zhan, 2024), юридический перевод (Duběda, 2024), совместный онлайн-перевод художественной литературы (Pan & Xiao, 2024), коммуникация в сфере здравоохранения (Grenall & Schmidt-Melbye, 2024), исправления в устном переводе (Vranjes & Defrancq, 2024), а также переводы корпоративных годовых отчетов (Wang & Liu, 2024). Вероятно, существуют и другие исследования, с которыми я пока не ознакомился. Как уже было отмечено, оценка рисков стала важной составляющей работы с машинным переводом и генеративным ИИ (например, Nurminen, 2019; Canfora & Ottmann, 2020; Bowker, 2021, 2023; Ardelean, 2023; Qiu & Pym, 2024; Koronen & Nurminen, 2024).

По датам публикаций работ мы видим, что подход к управлению рисками оставался в тени и едва ли находился на периферии научного внимания в течение примерно 15 лет до публикаций Д. Жилия (2021), С. Халверсон и Х. Котце (2022). Появление критики, возможно, обусловлено тем, что данный подход стал приобретать определённую значимость. Наконец, хоть кто-то его заметил! И за это я очень благодарен. Однако я далеко не в восторге от того, что говорят критики.

Критика от Даниэля Жилия

Даниэль Жиль — профессиональный синхронный переводчик, преподаватель и исследователь, который уже давно считается одним из главных экспертов в области методов конференц-перевода. Он широко известен благодаря своим «моделям усилий». В этих моделях синхронный переводчик рассматривается как человек, распределяющий свои усилия между несколькими задачами одновременно: прослушиванием и анализом, краткосрочным запоминанием, воспроизведением и координацией. В своей классической работе «*Основные концепты и модели обучения письменному и устному переводу*» (1995, переработанное издание 2000 г.) понятие риска упоминается около 30 раз, почти всегда в контексте возможных *потерь*, связанных с несоразмерным распределением усилий. Среди них: "риск предположений" (с. 70), "риск создания некачественного перевода" (с. 82), "значения риска и потерь" (с. 109), "риск ошибок" (с. 109), "риск утраты последующих единиц перевода" (с. 111, с. 201, с. 204, с. 212), "риск застревания" (с. 164), "риск насыщения" (с. 179, с. 198, с. 210, с. 239), "риск [языковой] интерференции" (с. 181, с. 187, с. 236, с. 237, с. 240, с. 243), "риск недопонимания" (с. 204) и "риск перегрузки кратковременной памяти" (с. 206). Иными словами, риск связан с возможностью появления негативных последствий. Однако есть три случая, когда риск рассматривается в более позитивном ключе. Во-первых: «Некоторые ошибки несут настолько незначительные потери, что даже высокая вероятность такой ошибки становится

приемлемой» (с. 109). Во-вторых, устные переводчики должны быть «готовы идти на большой риск», чем письменные, из-за более жёстких временных ограничений и широты охватываемых тем (с. 112). И, наконец, устные переводчики неизбежно вовлечены в процесс «принятия решений и связанных с этим рисками» (с. 115). Я не разделяю мнение большинства о том, что риск в основном связан с негативными последствиями и поэтому его всегда нужно минимизировать или избегать. Однако полностью соглашусь с гораздо более непопулярным утверждением Д. Жилия о том, что риск иногда может быть полезным, поскольку потери могут значительно варьироваться. Неслучайно я ссылаюсь на Д. Жилия в своих работах 2004 и 2015 гг., так же, как и во многих других публикациях. В конце концов, мне действительно интересно, как распределяются те самые усилия в «моделях усилий».

Справедливые замечания

В критике моей работы по управлению рисками (в основном касающейся публикации Рум, 2015), Д. Жиль (2021) высказывает несколько весьма конструктивных и своевременных замечаний, с которыми я не могу не согласиться.

- Описывая части текста, которые могут иметь разные потенциальные последствия, он предлагает использовать шкалу от «низкой значимости» до «высокой значимости», а не от «низкого риска» до «высокого риска», поскольку последние термины имеют смысл только в конкретной ситуации восприятия и в определённом контексте. Это уточнение крайне полезно. Я с благодарностью принял это к сведению.
- Аналогично, как мы с К. Мацуситой говорили о распределении рисков как об их «снижении» (Рум & Matsushita, 2018), так и Д. Жиль указывает на альтернативное использование этого термина, когда он охватывает *все* виды избегания рисков. Теперь я стал называть уравнивание рисков «компромиссами», а не их «снижением». Вновь выражаю благодарность за ценное замечание. Я признателен за все, что поможет нам найти общий язык.
- Д. Жиль отмечает, что «риск чаще выступает ограничением, чем движущей силой принятия решений», и подчеркивает важность рассмотрения подхода, ориентированного на достижение целей (2021: с. 56, см. с. 59, с. 60). Это очень точное замечание, и я рад его признать. Когда я говорю о «Перевод как управлении рисками» (Рум, 2015), это вовсе не означает, что перевод сводится *исключительно* к нему. Разумеется, есть и другие факторы, которые играют роль.

Задача не в том, чтобы охватить все риски.

По сути, они должны быть довольно несущественными. Позвольте мне всё же ненадолго заострить внимание на последнем упомянутом аспекте, который, возможно, не просто невинное недоразумение. Я бы не стал утверждать (и надеюсь, никогда этого не утверждал), что управление рисками является движущей силой всех решений — ни в переводе, ни в какой-либо другой сфере. Когда инвестиционный банкир анализирует риски, его главная цель заключается в максимальном увеличении доходности инвестиций, а не просто в уравнивании рисков ради рисков. Точно так же, когда переводчик сталкивается с выбором переводческого решения, главной целью, на мой взгляд, является достижение сотрудничества между всеми участниками коммуникации при сохранении доверительных отношений. Риски в этом случае — лишь набор ограничений, с которыми необходимо справляться в процессе работы. Именно поэтому, отстаивая своё общее представление об этике переводчика (Рум, 2021), я опираюсь на *три* ключевых понятия: сотрудничество, доверие и риск. Ведь риск действительно формализует *ограничения*, касающиеся сотрудничества и доверия. Это не какое-то новое озарение. В моей программной работе «Предложения по межкультурной коммуникации и переводу» (Рум 2004) было 20 групп положений, и лишь одна посвящена управлению рисками. Остальные касались сотрудничества как условия успеха, доверия как необходимого элемента для достижения этой цели, а также сложности как фона, создающего ту самую неопределённость, в которой принимаются решения. Если кто-то захочет это проверить: в том тексте содержится 161 положение (я потрудился на славу!), и лишь в 19 из них упоминается термин «риск». Так откуда же у Д. Жилия возникла мысль, что управление рисками может быть «движущей силой» или заменой «принятию решений, ориентированному на достижение целей»? Неужели в моём тексте это не прослеживается? В тексте «Перевод как управление рисками» (2015) управление рисками четыре раза прямо обозначается как всего лишь «взгляд на перевод», один из множества возможных. А его цель там ясно описывается

как способ решения одной из фундаментальных теоретических проблем: определить специфику перевода, не прибегая к эссенциалистскому понятию эквивалентности. Ни в одном месте этого текста я не беру на себя смелость учить кого-либо, как переводить. Нигде я не утверждаю, что управление рисками — это всё, что нужно учитывать.

Нельзя опираться на уверенность как данность.

Д. Жиль (2021) в некоторой степени принимает мои рассуждения о риске утраты доверия и коммуникативном (ситуационном) риске. Однако у него возникает вопрос относительно риска неопределённости: «Как определить, насколько адекватно обработаны элементы исходного текста?» — спрашивает он. Это, безусловно, главный камень преткновения. Для меня ответ на этот вопрос заключается в степени, с которой перевод достигает условий успеха, которые, в свою очередь, основываются на этике делового сотрудничества. Для Д. Жилия ответ на этот вопрос звучит совсем иначе: «Риск непонимания часто приводит к ошибкам, опущениям и/или неудачным формулировкам (EOIs)» (с. 59). Обратите внимание на смещение акцентов: то, что я называю «неопределённостью», у Д. Жилия превращается «понимание», основанное на *предполагаемой уверенности* в том, что текст может быть понят полностью. Ведь только исходя из этого можно позволить себе идентифицировать ошибки или опущения, которые и составляют основу его подхода. Д. Жиль затем без лишних сомнений говорит о «риске совершения ошибок и опущений», что соответствует преобладающей точке зрения в его работе «*Основные концепции и модели*». И этот самый риск он интерпретирует как некий «когнитивный» (с. 60), словно мы с ним разделяем одну и ту же эпистемологию.

Именно здесь появляется позитивистский и эссенциалистский взгляд Д. Жилия на коммуникацию. Для него, как и для многих других, работающих в парадигме эквивалентности, в тексте, как правило, существует лишь одно значение, и каждый перевод можно оценивать относительно него, определяя степень «потери информации» (вместе с другими схожими терминами, упомянутыми выше в работе Д. Жилия «*Основные концепции и модели*»). Это не представлено как ключевой момент в аргументации Д. Жилия; скорее, это мимоходное предположение, с которым от нас ожидают согласия. Для меня же неопределённость перевода является более фундаментальной, чем любая подобная уверенность (иллюзия которой возникает под влиянием авторитетных источников). На самом деле, вся суть моей цели состоит в том, чтобы создать теорию перевода, которая позволит избежать именно такого эссенциалистского предположения. Для меня каждый текст открыт для толкования; значение всегда многозначно; любой перевод неизбежно будет содержать элемент неопределённости, и всё же мы можем успешно переводить. Но как это возможно? Полагаю, благодаря управлению рисками. Поскольку Д. Жиль, по сути, не осознаёт теоретической сложности избегания эссенциализма, он отодвигает принятие рисков на второй план. Именно поэтому ему действительно трудно понять, что я хотел донести.

Различие в эпистемологических подходах, вероятно, и порождает такие небольшие, но досадные замечания, как: «Пим (2015) не выразил чёткой позиции относительно принципа минимакса» (Жиль, 2021, с. 61). Неверно: Пим (2015, с. 74) прямо упоминает принцип минимакса, согласно которому цель состоит в том, чтобы затратить минимум усилий для достижения максимальной выгоды. Однако он открыто *отвергает* предпосылку этого принципа, основанную на теории закрытых игр, а именно — предположение о полной доступности всей информации. Это отражение индетерминистской позиции, суть которой, по всей видимости, остаётся для Д. Жилия непостижимой.

Риск — это не всегда плохо.

Для Д. Жилия (2021, с. 57) риск в основном ассоциируется с возможными негативными последствиями, при этом он не приводит каких-либо убедительных оснований для такого подхода. Как уже отмечалось, он допускает некоторую долю риска, но только когда ставки минимальны. С другой стороны, я всегда утверждал, что переводчики должны воспринимать риск в позитивном ключе, чтобы принимать осознанные решения о его оправданности в тех случаях, когда возможные выгоды перевешивают потенциальные потери. Это связано с тем, что существуют эмпирические данные, свидетельствующие о склонности переводчиков избегать риска (Рум, 2015., с. 76-77), что, в свою очередь, приводит к созданию скучных текстов (если позволить себе грубое упрощение исследований о переводческих «тенденциях» или «универсалиях»). Мне бы хотелось, чтобы переводчики создавали более захватывающие тексты, пробуждали ощущение события при встрече с иным, открывали культуры для взаимодействия с чуждым и незнакомым. Выбирая путь

осторожности, Д. Жиль упускает этот важнейший потенциал. Скука, судя по всему, воспринимается как благо. Для Д. Жиль управление рисками сводится, по сути, к их избеганию, с оговоркой, что принятие риска допустимо лишь в редких случаях, когда от него практически ничего не зависит.

Перевод неизбежно связан с принятием решений о риске.

Почему, по мнению Д. Жиль, процесс принятия решений переводчиками не должен включать в себя риск, связанный с *высокими* ставками? Причина становится ясной, когда он формулирует главную цель всех переводчиков из всех культур и эпох, что, по его мнению, согласовано с авторитетами в области этических кодексов, заказчиками и преподавателями: «Переводчики, прежде всего, стремятся к соблюдению применимых норм и предпочтений заинтересованных сторон» (2021, с. 59). Иными словами, не должно быть пересечения между рисками, с которыми сталкиваются переводчики (мелкие технические детали), и тем, что решают другие заинтересованные стороны (крупные стратегические вопросы). И вот вам результат: переводчик, который этически и политически «подчиняется» (а порой и соучаствует). Полагаю, именно это Д. Жиль и боится утратить из-за всех этих разговоров о риске; возможно, это он стремится защитить больше всего.

По данному вопросу давно ведутся увлекательные дискуссии, особенно в отношении того, в какой степени переводчики должны участвовать в управлении ситуацией (что я рассматриваю как активное управление рисками). В сфере синхронного перевода любое дискурсивное вмешательство переводчика может потенциально вызвать противоречивые дискурсивные реакции у аудитории (Collados & Gile, 2002), и именно поэтому переводчики могут предпочитать избегать столь явных рисков. Однако в устном социальном переводе часто возникают ситуации, когда переводчики могут и должны брать на себя такие риски, вмешиваясь в процесс (Abraham & Fiola, 2021), особенно когда речь идет о защите уязвимых сторон (Tipton, 2023). Нельзя ограничиваться только рассмотрением синхронных переводчиков.

Однако здесь кроется более глубокое непонимание. Д. Жиль говорит об управлении рисками со стороны *отдельного* устного или письменного переводчика, тогда как я применяю этот концепт к «переводу» в гораздо более широком смысле. Процесс перевода нередко оказывается результатом совместной работы множества людей и специалистов: заказчиков, агентов, издателей, редакторов и других участников. Управление рисками осуществляется всеми этими людьми, а не только одним переводчиком. Ставки могут затрагивать самые разные временные горизонты — от взаимодействия в рамках непосредственных личных встреч до стратегий перевода, способных оказывать продолжительное влияние на формирование мультикультурных обществ и судьбу языков. Надеюсь, это становится очевидным из разнообразия рассмотренных нами примеров — хотя Д. Жиль (2021, стр. 57) почему-то утверждает, что я излагаю идеи исключительно сверху вниз. При обсуждении меняющихся китайских переводов позиции США относительно принципа «одного Китая» (Pym & Ni, 2019) было бы бессмысленно говорить о риске, который берет на себя отдельный переводчик: управление рисками осуществляется политическими лидерами и всей системой внешнеполитического аппарата. Или, например, при анализе военной встречи в Афганистане (Pym, 2016) я рассматриваю риски, которые берёт на себя каждая из сторон в этом сложном процессе обмена, поскольку перевод включает в себя не только работу одного переводчика. Или же медленные исторические процессы, формирующие отношения доверия между языками и со временем открывающие путь к определённым практикам перевода в долгосрочной перспективе. Когда я применяю теорию переговоров к истории перевода в испаноязычном мире (Pym, 2000), риски принимаются и избегаются на протяжении целых столетий.

У меня нет сомнений в том, что Д. Жиль искренне стремится защитить современное западное представление о безупречной профессиональной роли идеального переводчика. Но перевод как управление рисками может и должен включать в себя гораздо больше.

Критика от Сандры Халверсон и Хэйди Котце

Критика Д. Жиль может рассматриваться как попытка укрепить собственные позиции, которые он сформулировал уже давно. Сандра Халверсон и Хэйди Котце, с другой стороны, стремятся разгромить как мой подход к управлению рисками, так и дескриптивное переводоведение Гидеона Тури, чтобы отстоять положительные, по их мнению, стороны своего подхода к переводу, который они презентуют в конце своей работы. Здесь я не буду пытаться защитить

дескриптивный подход Г. Тури (моя собственная критика его методики – в Руп, 1998, с. 110-115) или дать оценку альтернативе, которую предложили С. Халверсон и Х. Котце, и которую, как мне кажется, я до конца не понял. Я сосредоточусь на том, что они говорят об управлении рисками.

Переводчики не всегда оптимизируют.

С. Халверсон и Х. Котце, кажется, сильно недовольны моей довольно простой идеей того, что чем выше ставки в решении переводчика, тем больше усилий требуется для принятия этого решения. Другими словами, усердно работать надо только тогда, когда это нужно и важно. Большинству людей это очевидно. А вот для С. Халверсона и Х. Котце это неуместный рационализм, который они назвали «оптимизацией» и отвергли, сославшись на междисциплинарный консенсус: «Во многих кругах единодушно соглашаются в том, что принятие решений далеко не всегда основано на рациональной оценке затрат и выгоды (опрос см. в Kahneman, 2011)» (2022, с. 63). Д. Жиль, к слову, тоже не фанат безусловного рационализма (стр. 61).

Но секундочку! Моя модель, в которой усилия коррелируют с рисками, специально представлена как элемент обучения: «Простые уроки, которые можно преподавать на вводных занятиях» (Руп, 2015, с. 73). Модель также показывает, в чём должны совершенствоваться студенты: постепенно они должны научиться тратить больше усилий на моменты, где ставки высоки (т.е. меньше гадать) и меньше задумываться над моментами, где это не так важно (т.е. повышать эффективность). В настоящее время существует лишь небольшое эмпирическое доказательство этой точки зрения: Хэ и Ван (2021, с. 195) выяснили, что «в ситуациях высокого риска профессионалы ведут себя более экономно, чем новички». Но модель никогда не была заявлена как нечто обязательное для *каждого*, кто принимает какие-либо решения. На самом деле, именно неуниверсальность данного принципа – это вероятная причина, по которой мне выпала честь обучать других: надеюсь, я смогу их научить, как принимать *более правильные* решения. Она же, кстати, объясняет, почему Д. Канеман (2011) – автор «опроса», с помощью которого С. Халверсон и Х. Котце отстаивают свою позицию – описывает все интуитивные методы решения задач, используемые людьми, и сравнивает их с методами, которые *стоило бы* использовать. Д. Канеман хочет научить нас принимать более правильные решения, и оценка затрат и выгоды вполне себе входит в его арсенал концептуальных инструментов (как по мне, он подходит к ним слишком по-математически, но все же). Мне же интересно, как принимать более правильные решения именно в переводе.

Дебаты о рационализме здесь не очень уместны. Позвольте мне, тем не менее, указать на многочисленные версии «ограниченной рациональности» (из Rubinstein, 1998), которые теперь доступны любому, кто готов выйти за рамки абсурдного бинарного рационализма вида «да или нет» (см. опрос Wheeler, 2024). Более уместный вопрос состоит в том, должно ли управление рисками быть навечно связано с экономическим рационализмом (на котором, безусловно, основано управление рисками) или же можно исследовать его и под другими углами. Кстати, вот что Э. Пим говорит о взаимодействии между ставками и усилиями: «Можно найти множество разных доказательств в поддержку модели, но ни одно из них не будет полным и достаточным» (2015, стр. 75). Более того, любая приписываемая мне рационалистическая заповедь об усилиях и ставках легко опровергается так называемой «уловкой доверия», когда незначительная в любом другом случае часть текста может потребовать больших усилий, потому что *любая* ошибка может подорвать доверие к переводчику.

Мы в лингвистике или отдельно от неё?

С. Халверсон и Х. Котце, кажется, слишком обеспокоены так называемой «онтологической стабильностью», которая, судя по всему, глубже их недопонимания того, как я использую оптимизацию. Эта обеспокоенность идёт рука об руку с проблемой положения лингвистики в теории перевода. Непонятно, зачем так цепляться за позицию, которую ранее С. Халверсон сформулировала (2020, с. 46) весьма интересно: «Если основной взгляд на язык [в теории управления рисками] сомнителен или неясен, теории и гипотезы не могут быть сопоставлены, новые теории не могут быть разработаны, а существующие не могут быть приняты». Звучит, будто только лингвисты могут сидеть за столом «для крутых» – если вы не заодно с нами, то ваше мнение не учитывается. Беря в учёт стабильно уменьшающуюся в последние двадцать лет роль любого раздела лингвистики в переводоведении, это очень смелое заявление приближается к невольной пародии на самого

себя.

Хоть я и хотел бы озвучить некоторые жёсткие, концептуальные аргументы по этому вопросу, моё недоумение позволяет лишь попытаться набросать список того, что относится к лингвистике, а что нет:

- С. Халверсон и Х. Котце (с. 64) утверждают, что «вся система управления рисками опирается на модель коммуникации, основанную на понятии Г. Грайса о «принципе кооперации» (Рум, 2015, с. 72). Реализация этой модели в переводе носит лингвистический характер». По-видимому, Пим пытается заниматься лингвистикой, ведь Грайс относится к лингвистам. На самом деле, признаюсь, моя модель сотрудничества основана на неоклассической экономике (идее взаимной выгоды), которой нет в идеях Грайса и почти нет в лингвистике.
- Тем не менее, я признаю Грайса основополагающим философом прагматики, которую я включаю в лингвистику и в которую хотел бы внести и свой вклад. Именно поэтому в 2015 году мой текст был опубликован в журнале под названием... *Journal of Pragmatics* (*Журнал прагматики*).
- С. Халверсон и Х. Котце (с. 64) не согласны с моим утверждением о том, что уровневая организация языка (в т.ч. на уровне предложений) не может без помощи прагматики объяснить, почему три фразы в конкретном контексте могут представлять три разных степени важности. Справедливо ли это утверждение? Конечно, потому что теория уровней языка, в отличие от прагматики, не учитывает контекст. Критики возражают не против утверждения как такового, а против моей характеристики целой дисциплины: «Лингвистические подходы к изучению перевода точно не использовали «классическую лингвистику» в начале двухтысячных» (с. 64). Но ведь я никогда не говорил, что использовали! Я просто указал на ограничения определённого вида лингвистики. (К слову, сравнительная классическая лингвистика жива и здорова в некоторых частях мира – рядом со мной, в Испании, она продолжает развиваться.)

Больше всего меня беспокоит то, что онтологическая стабильность может быть политически связана с авторитетом устоявшейся дисциплины. Такая связь может иметь негативные последствия, например, кто-то может так преданно следовать принципам родительской дисциплины, что местные особенности останутся незамеченными. Яркий тому пример – заявление С. Халверсон (1999) о том, что «перевод» – это прототипное понятие, ведь об этом свидетельствуют открытия когнитивной науки о понятиях в целом. При этом, если бы она была внимательнее к феноменологии, она бы не упустила из виду нарушение норм дискурса, характерное для западной традиции перевода с точки зрения косвенной речи. То есть она упустила из виду небольшую традицию в лингвистике! (Это не имеет ничего общего с управлением рисками, но я не смог удержаться.)

Относится ли к лингвистике управление рисками или же существует отдельно от неё? Ответ на этот вопрос в конечном итоге не важен. Новые исследования и идеи всегда уместны, откуда бы они ни приходили. И потому онтологическая стабильность лингвистики – не повод для гордости.

Может ли управление рисками быть не только экономическим?

Другое направление критики сильнее сосредоточено на экономическом происхождении моделей управления рисками и на ограничениях соответствующего экономического мировоззрения. Если учёный по какой-то причине не любит экономику, ему, вероятно, не понравятся идеи управления рисками. Но тогда вопрос заключается в том, можно ли перетаскивать понятия из одной дисциплины в другую, из неоклассической экономики в переводоведение, не привнося вместе с ними весь накопленный интеллектуальный и политический багаж этой дисциплины. Можно ли рассуждать о рисках, не звуча при этом как заядлый экономист? (Так делают психологи, но нас могут осудить за то, что мы притащили весь психологический багаж.)

На самом деле, здесь есть два направления критики. Более серьёзное связано с эмоциональными аспектами использования языка, которые могут показаться неучтёнными в абстрактных категориях анализа рисков. Второе же направление в большей степени связано с позициями активистов, которым достаточно один раз почуять запах денег, чтобы отправить любое интеллектуальное начинание на свалку истории.

Риски можно ощущать, как чувства и эмоции.

Дуглас Робинсон (2023, но и во многих других книгах) строго отрицает рациональность и эгоизм *homo economicus*, которого он окрестил «экон», не признаёт сложные механизмы определения того, *ощущаются* ли смысл и выражения подходящими или нет. Это ощущение происходит соответствии с моделью, где познание — это не вопрос того, как мозг просчитывает риски, а часть воплощения процессов, выливающих в лингвистические акты порождения и понимания речи в ситуациях и социальных контекстах, в которые эти процессы встроены. С этой точки зрения Д. Робинсон рассматривает управление рисками как отказ от эмоциональных аспектов языка, предполагая, что я, следовательно, всегда отвергал его взгляды на познание, «основываясь на том, что чувств не существует» (2023, с. 82). Исходя из этого, подход к управлению рисками не должен учитывать, как люди используют язык на самом деле, как по одиночке, так и в обществе.

Ответ здесь довольно прост: чувства (эмоции, ощущения и т. д.) действительно существуют, и нет никакого противоречия между ними и идеей управления рисками. Отчасти это можно оценить по опыту, на котором Д. Робинсон строит свои возражения. Когда я перевожу текст, я действительно инстинктивно *чувствую*, что есть определённые отрывки, которые получились не очень хорошо, которые нужно проверить ещё раз или откорректировать в соответствии с конкретной задачей. Опасность можно *почувствовать*; адаптация к рискам происходит *инстинктивно*; такое обычно не решается рисованием таблицы с подсчётом потенциальных выгод, потерь и возможностей. Откуда же берутся эти инстинкты и чувства? Конечно, из повторяющегося опыта, из наблюдений из другими, из усвоения знаний, передаваемых через язык и на языке. И, кроме этого, из примерно 300 тысяч лет человеческой эволюции, в ходе которой сформировались инстинкты, предупреждающие об опасностях и возможностях и подсказывающие, что с ними делать. Всё это приходит с воплощённым познанием, и, возможно, поэтому Д. Кейнс (1936/1962, с. 161-162) говорил о «духе жизнерадостности» («иррациональном начале», «животном духе»), влияющем на экономику. Анализ рисков может помочь объяснить некоторые из этих идей, но игнорировать или отрицать их бессмысленно.

Когда армия США входит в афганскую деревню, все стороны искренне напуганы и действуют на основе инстинктов и усвоенных правил (анализ приведён в Рум, 2016). Сильно искажая речь на пушту, переводчик понимает, что нарушает профессиональную заповедь. Однако им также движет глубинный инстинкт выживания – чтобы заслужить расположение американцев и заставить их вывезти переводчика в безопасное место, нужно сказать им именно то, что они хотят услышать. Все эти стратегии и стимулы переплетаются в той самой человеческой натуре. Когда мы проводим анализ абстрактных рисков (как я делаю на занятиях), мы спрашиваем каждую из сторон, каких результатов они хотели бы избежать и какие риски они готовы принять. Таким образом, мы можем выстроить определённую логику ситуации, что объяснит отказ переводчика от максимально точного перевода. Эти действия можно логически объяснить. Но разве эта логика отображает сложные мыслительные процессы? Нисколько. Это больше похоже на первоначальную попытку понять другого, увидеть мир с чужой точки зрения, а не бросаться с осуждениями, хоть в другой ситуации такое решение и нарушило бы множество правил.

Напоминает П. Бурдьё: в «*Le sens pratique*» (1980) он много размышляет о том, что социолог, предлагая объяснение человеческого поведения, никогда не увидит действия и решения со стороны тех самых людей, не посчитает это чем-то естественным, не нуждающимся в анализе или объяснении. Выбирая концептуальные инструменты управления рисками, я принимаю это ограничение. Больше из области онтологии мне ничего не интересно.

Управление рисками помогает только могущественным и влиятельным?

У А. Бухаффа (2025) появляется похожее, но более тривиальное недопонимание: главная роль переводческой этики рассматривается как противостояние любым проявлениям экономики и коммерции, которые помогают только властям, бизнесу, капитализму, господству английского языка и так далее. Поэтому управление рисками входит в список вселенских зол, и, следовательно, Пим – «убеждённый союзник влиятельных людей» (2023, с. 150). (Если бы хоть кто-то влиятельный об этом знал!) Аргументы А. Бухаффа больше относятся к кооперации, чем к риску как таковому. Однако его дискурсивная стратегия прослеживается на протяжении всей работы: об управлении рисками говорят плохие люди, я говорю об управлении рисками, значит, я плохой.

Логическая ошибка кажется очевидной. Если это не так, дорогой читатель, вернись, пожалуйста, к началу этого

текста, а затем реши для себя, похожи ли мои самые обычные идеи на вселенский заговор против всеобщего переводческого блага. Я не вижу причин для такого обвинительного обобщения. Кроме того, я полагаю, что если набор понятий может помочь избежать негативных последствий, увеличить взаимную выгоду и тем самым улучшить исход для участников коммуникации (даже при очень неравных отношениях власти), то эти понятия могут и должны использоваться для улучшения положения как отдельных людей, так и общества в целом. В самом деле, идеи управления рисками могут быть более полезными, чем любое примитивное деление мира на добро и зло.

Заключительное слово: о политической работе понятий

Авторы большинства рассмотренных здесь замечаний ошибочно полагают, что цель управления рисками – объяснить все аспекты всех действий всех переводчиков. Возможно, именно поэтому Д. Жиль правильно, но неуместно отмечает, что в работе переводчика есть и другие виды мотивации, поэтому С. Халверсон и Х. Котце ностальгически жаждут какой-то стабильной онтологии, из которой все будут извлекать связный философский смысл, и, возможно, поэтому Д. Робинсон настаивает, что он знает, где на самом деле происходит перевод. Управление рисками всегда будет отставать по сравнению с их обобщающими заявлениями; его необходимо использовать наряду с другими идеями. И впрямь, этот подход можно применять к очень широкому кругу актёров переводческой сцены, а также к разнообразным уровням, от небольших языковых решений вплоть до долгосрочного влияния на отношения между культурами. Эта способность связывать когнитивное с социальным и политическим, я считаю, является одним из потенциальных преимуществ подхода и причиной, по которой его ещё долго можно исследовать. Но это не означает, что управление рисками способно или должно всё объяснять.

Почему же что-то вроде управления рисками, несмотря на всё это, может быть важно в переводоведении? Рассмотрим, как разные теории могут влиять на развитие дисциплины. Г. Тури заявлял, что цель теоретизации им норм и правил – не в том, чтобы предложить какую-нибудь онтологию и угодить философам-лингвистам, а в том, чтобы уберечь переводоведение от риска превратиться в набор изолированных описаний (см., прежде всего, Toury 1991) – кстати говоря, этот риск всё ещё существует. Судя по этому критерию, дескриптивный подход оказался чрезвычайно успешным: несколько лет подряд бесчисленные тезисы и диссертации намеревались найти и сравнить нормы перевода (хотя поиск правил, по общему признанию, был более трудным для понимания и гораздо менее влиятельным). Это может быть своего рода моделью политических достоинств теории как интеллектуального инструмента: она выполняет свою работу, оказывает определённое влияние, а затем может устареть или вылиться в новую теорию.

Какова же идеальная роль управления рисками в переводоведении? В моем понимании, методика должна отвечать на извечный философский вопрос: как жить с неопределённостью, то есть с отсутствием прямой или обратной причинно-следственной связью. На практике же управление рисками должно помочь нам выбирать между несколькими вариантами в ситуациях, когда нет абсолютно правильного ответа; это позволит нам жить с неопределённостью, оценивая (и чувствуя!) вероятности рисков. Его можно использовать наряду со многими современными переводоведческими альтернативами. Однако они, вероятно, не так хорошо объясняют, как принимаются и как стоит принимать решения: сторонники теории сложности из раза в раз повторяют одни и те же тезисы; активисты сражаются за правое дело, отказываясь бороться с неопределённостью; авторитарные педагоги будут и дальше проповедовать свои истины, не задумываясь, почему именно они верны; материалисты напоминают об очевидном; когнитивные и тому подобные исследования углубляются в гиперэмпирическое накопление фактов без важных крупномасштабных гипотез для проверки. Управление рисками не должно исключать ни один из этих подходов.

Магистерская диссертация с исследованием на маленькой группе студентов (De Blancq, 2023) в пух и прах разносит критику от Д. Жилия, С. Халверсон и Х. Котце. Это и стало одной из причин написания данной ответной работы. Исследование интересно и в эмпирическом плане, потому что в нём выясняется, что изучение теории управления рисками не сделало из студентов более хороших переводчиков, и я это принимаю (хотя дизайн исследования «до-после» мог привести к другим результатам). В то же время исследование показало, что все, кроме одного из студентов экспериментальной группы, посчитали, что управление рисками необходимо включить в курсы перевода, а единственный несогласный заявил, что оно уже косвенно изучается. Большого мне и не нужно.

Зачем же изучать управление рисками? По сути, потому что это может помочь нам осознанно посмотреть на решения, которые мы принимаем каждый день. Управление рисками объясняет, почему одно решение может быть лучше другого, и почему такой образ мышления особенно важен для переводчиков.

Литература

- Abraham, D., & Fiola, M. A. (2021). Making the Case for Community Interpreting in Health Care: From Needs Assessment to Risk Management. *Linguistica Antverpiensia, New Series – Themes in Translation Studies*, 5. <https://doi.org/10.52034/lanstts.v5i.160>
- Angelone, E. (2010). Uncertainty, uncertainty management and metacognitive problem solving in the translation task. In G. Shreve & E. Angelone (Eds.) *Translation and Cognition*, pp. 17-40. John Benjamins.
- Ardelean, C. (2015). *Think Twice! Risk Management, The Hidden Side of Translation*. Conspress.
- Ardelean, C. (2023). *Think Twice! Risk Management, The Hidden Side of Translation*. Tritonic.
- Ayyad, A., & Pym, A. (2012). Translator Interventions in Middle East Peace Initiatives. Detours in the Roadmap? In Beverly Adab, Peter A. Schmit, & Gregory Shreve (Eds.). *Discourses of Translation. Festschrift in Honour of Christina Schäffner*, pp. 83-100. Peter Lang.
- Boukhaffa, A. (2025). *Self-Care, Translation Professionalization, and the Translator's Ethical Agency. Ethics of Epimeleia Heautou*. Routledge.
- Bourdieu, P. (1980). *Le sens pratique*. Minuit.
- Bowker, L. (2021). Machine translation use outside the language industries: a comparison of five delivery formats for machine translation literacy instruction. Translation and Interpreting Technology Online Conference, pp. 25-36. <https://doi.org/10.26615/978-%20954-452-071-7004>
- Bowker, L. (2023). *De-mystifying Translation. Introducing Translation to Non-translators*. Routledge.
- Canfora, C., & Ottmann, A. (2018). Of Ostriches, Pyramids, and Swiss Cheese: Risks in Safety-Critical Translations." *Translation Spaces*, 7, 2, 167–201.
- Canfora, C., & Ottmann, A. (2018). Who's Afraid of Translation Risks? In H. E. Jüngst, L. Link, K. Schubert, & C. Zehrer (Eds.) *Challenging Boundaries: New Approaches to Specialized Communication*, pp. 73–92. Frank & Timme
- Canfora, C., & Ottmann, A., (2020). Risks in Neural Machine Translation. *Translation Spaces*, 9, 1, 58-77.
- Collados, Á., & Gile, D. (2002). La qualité de l'interprétation de conférence : une synthèse des travaux empiriques. <https://www.academia.edu/11689042/Laqualit%C3%A9delinterpr%C3%A9tationdeconf%C3%A9renceunesynth%C3%A8sedestravauxempiriques>
- Cui Y, & Zheng B. (2022). Extralinguistic Consultation in English-Chinese Translation: A Study Drawing on Eye-Tracking and Screen-Recording Data. *Frontiers in Psychology*, 13, 891997, 1-15.
- De Blancq, J. (2023). *Does an Introduction to Pym's Risk Management Model Influence Students' Final Translations and Perceived Translation Processes? An Exploratory Experimental Study*. Master's Thesis, Universiteit Gent. <https://lib.ugent.be/nl/catalog/rug01:003152542/files/0>
- Duběda, T. (2024). Risk perception and risk management in legal translation: a questionnaire survey. *Perspectives*, 1-17. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2024.2386447>
- Gile, D. (1995). *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Benjamins.
- Gile, D. (2021). Risk Management in Translation: How Much Does It Really Explain? *International Journal of Interpreter Education*, 13(1): 56-65.
- Greenall, A. P., & Schmidt-Melbye, I. H. (2024). Perceptions and management of risk in the translation of a Norwegian-language health app into English. *Babel*, <https://doi.org/10.1075/babel.24121.gre>
- Halverson, S. (1999). Conceptual Work and the 'Translation' Concept. *Target*, 11(1), 1-31.
- Halverson, S. (2020). Translation, Linguistic Commitment, and Cognition. In F. Alves & A. L. Jakobsen (Eds.) *The Routledge Handbook of Translation and Cognition*, pp. 37-51. London and New York: Routledge.
- Halverson, S., & Kotze, H. (2022). Sociocognitive constructs in Translation and Interpreting Studies (TIS). Do we really need concepts like norms and risks when we have a comprehensive usage-based theory of language? In S. L. Halverson & Á. Marín García (Eds.) *Contesting epistemologies in cognitive translation and interpreting studies*. pp. 51-79. Routledge.
- He Y, & Wang J. (2021). Eye Tracking Uncertainty Management in Sight Translation: Differences Between Professional and Novice Interpreters. In R. Muñoz Martín, S. Sun, & D. Li (Eds.) *Advances in Cognitive Translation Studies. New Frontiers in Translation Studies*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-2070-69>
- Hjort, M. (2017). Affect, risk management and the translation of swearing. *Rask. Internationalt tidsskrift for sprog og communication*, 46, 159–180.
- Hu B. (2020). How are Translation Norms Negotiated? A Case Study of Risk Management in Chinese Institutional Translation. *Target*, 32(1), 83–121. <https://doi.org/10.1075/target.19050.hu>
- Hu B. (2022). Feeling Foreign: A Trust-based Compromise Model of Translation Reception. *Translation Studies* 15(2), 202-220. <https://doi.org/10.1080/14781700.2022.2032306>
- Hu B. (2020). *The reception of translated foreign-affairs discourse*. Doctoral thesis. The University of Melbourne.
- Hui M. (2012). *Risk Management by Translator Trainees: A Study of Translator-Client Relations in a Simulated Setting*. Doctoral

- thesis. Universitat Rovira i Virgili. <https://www.tdx.cat/handle/10803/83497>
- Jiménez-Crespo, M. Á., & Sánchez, M. T. (2021). Explicitation and implicitation in translation: Combining comparable and parallel corpus methodologies. *MonTI. Monografías de Traducción e Interpretación*, 13, 62-92.
- Koponen, M., & Nurminen, M. (2024). Risk Management for Content Delivery via Raw Machine Translation. In M. Winters, S. Deane-Cox, & U. Böser (Eds.), *Translation, Interpreting and Technological Change: Innovations in Research, Practice and Training*, pp. 111-135. Bloomsbury. <https://doi.org/10.5040/9781350212978.0013>
- Kruger, H., & De Sutter, G. (2018). Alternations in contact and non-contact varieties: Reconceptualising *that*-omission in translated and non-translated English using the MuPDAR approach. *Translation, Cognition & Behavior*, 1(2), 251-290. <https://doi.org/10.1075/tcb.00011.kru>
- Li X., & Zhan C. (2024). Risk management in media interpreting: A case of press conferences for Chinese cinema at the 2023 Berlinale. In *The Routledge Handbook of Chinese Interpreting* (pp. 104-115). Routledge.
- Matsushita, K. (2016). *Risk Management in the Decision-Making Process of English- Japanese News Translation*. Doctoral thesis. Rikkyo University, Tokyo.
- Naranjo, B. (2022). (Mis)translating Sensitive Content. The manipulation of source texts under the effects of anger. *Translation Spaces*, 11(2), pp. 234-253.
- Nitzke, J., Hansen-Schirra, S., & Canfora, C. (2019). Risk Management and Post-editing Competence. *The Journal of Specialised Translation*, 31, 239-259.
- Nurminen, M. 2019. Decision-making, Risk, and Gist Machine Translation in the Work of Patent Professionals. *Proceedings of the 8th Workshop on Patent and Scientific Literature Translation*, 32-42. <https://www.aclweb.org/anthology/W19-7204/>
- Pan Q., & Xiao W. (2024). Revisiting risk management in online collaborative literary translation: ethical insights from the Chinese context. *The Translator*, 30(1), 96-110.
- Pym, A. (1998). *Method in Translation History*. St Jerome Publishing.
- Pym, A. (2000). *Negotiating the Frontier: Translators and Intercultures in Hispanic History*. St Jerome Publishing.
- Pym, A. (2004). Propositions on Cross-Cultural Communication and Translation. *Target*, 16(1): 1-28. <https://doi.org/10.1075/target.16.1.02pym>
- Pym, A. (2008). On omission in simultaneous interpreting: Risk analysis of a hidden effort. In G. Hansen, A. Chesterman, & H. Gerzymisch-Arbogast (Eds.) *Efforts and Models in Interpreting and Translation Research*, pp. 83-105. Benjamins.
- Pym, A. (2015). Translating as risk management. *Journal of Pragmatics*, 85, 67-80. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.06.010>
- Pym, A. (2016). Risk analysis as a heuristic tool in the historiography of interpreters. For an understanding of worst practices. In J. Baigorri-Jalón & K. Takeda (Eds.) *New Insights in the History of Interpreting*, pp. 247-268. Benjamins. <https://doi.org/10.1075/btl.122.10pym>
- Pym, A. (2021). Cooperation, risk, trust. A restatement of translator ethics. *Stridon. Journal of Studies in Translation and Interpreting*, 2(1), 5-24. <https://doi.org/10.4312/stridon.1.2.5-24>
- Pym, A. (2023). Triage and technology in healthcare translation. In G. Palumbo, K. Peruzzo, & G. Pontrandolfo (Eds.) *What's Special about Specialised Translation? Essays in Honour of Federica Scarpa*, pp. 247-268. Peter Lang.
- Pym, A. (2025). *Risk Management in Translation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009546836>
- Pym, A., & Hu B. (2019). Constructive ambiguity and risk management in bilingual foreign- affairs texts. The case of 'One China'. *Asia Pacific Translation and Intercultural Studies*, 6(1), 3-16.
- Pym, A., & Matsushita, K. (2018). Risk mitigation in translator decisions. *Across Languages and Cultures*, 19(1), 1-18. <https://doi.org/10.1556/084.2018.19.1.1>
- Pym, A., Raigal-Aran, J., & Bestué Salinas, C. (2023). Non-standard court interpreting as risk management. In C. Zwischenberger, K. Reithofer, & S. Rennert (Eds.) *Introducing new hypertexts on Interpreting (Studies)*, pp. 107-124. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Robinson, D. (2023). *Questions for Translation Studies*. John Benjamins.
- Rubinstein, A.S. (1998). *Modeling bounded rationality*. MIT Press.
- Qiu, J., & Pym, A. (2024). Fatal flaws? Investigating the effects of machine translation errors on audience reception in the audiovisual context. *Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice*. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2024.2328757>
- Shih, C., & Cai, P. (2008). The 'explicitation' feature in Chinese-English journalistic translation: The perspective of the translator's risk management. *Studies of Translation and Interpretation*, 11, 1-24. <https://doi.org/10.29786/STI.200812.0001>
- Tipton, R. (2023). Vulnerable encounters? Investigating vulnerability in interpreter-mediated services for victim-survivors of domestic violence and abuse. In L. Gavioli & C. Wadensjö (Eds.) *The Routledge Handbook of Public Service Interpreting*, pp. 175-191. Routledge.
- Toury, G. (1991). What Are Descriptive Studies into Translation Likely to Yield apart from Isolated Descriptions? In K. M. van Leuven-Zwart & T. Naaijken (Eds.) *Translation Studies: The State of the Art*, pp. 179-192. Brill. https://doi.org/10.1163/9789004488106_017
- Vranjes, J., & Defrancq, B. (2024). To repair or not to repair? Repairs and risk taking in video remote interpreting. *Perspectives*, 32(5), 867-888.
- Wang A. & Liu K. (2024). Linguistic Variations Between Translated and Non-Translated English Chairman's Statements in Corporate Annual Reports: A Multidimensional Analysis. *Sage Open*. <https://doi.org/10.1177/21582440241249349>
- Wheeler, G. (2024). Bounded Rationality. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter

- 2024 Edition). <https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/bounded-rationality>.
- Wilss, W. (2005). Übersetzen als Sonderform des Risikomanagements. *Meta*, 50(2), 656– 664. <https://doi.org/10.7202/011009ar>
- Xu C. (2021). *Identification of L2 interpretese: a corpus-based, intermodal, and multidimensional analysis*. Doctoral dissertation, Hong Kong Polytechnic University.
- Yu J. (2024). How to break a norm and get away with it: A case study of two translators. *Target*, 36(1), 137-157.
- Zhong H. (2020). *Re-examining Omission in Simultaneous Interpreting: A Multi-method Study Involving Student Interpreters*. Doctoral dissertation. University of Manchester.
- Zhou W. (2022). Diplomatic interpreting and risk analysis: A literary survey. *International Journal of Translation and Interpretation Studies*, 2(2), 19–31.
- 志凯高, 成詹, & 旭李. (2024). Risk Management of Diplomatic Interpreters in Political Settings. In I. A. Zhang & R. Moratto (Eds.) *The Rise of Conference Interpreting in China* (pp. 99-114). Routledge.